

УДК 81'42

Обелец Ю.А.

ВРЕМЯПРОСТРАНСТВО В КАРТИНЕ МИРА

В статье рассматриваются различные подходы изучения проблемы Времени и Пространства в художественном тексте. Неразрывность понятия времяпространства, с одной стороны, и возможность раздельного рассмотрения его компонентов, с другой, лишь подчёркивают глубину и сложность феномена хронотоп.

Ключевые слова: *Время, Пространство, картина мира, художественный текст, хронотоп.*

Обелец Ю.А. Часопростір у картині світу. У статті розглянуто різні підходи до вивчення проблеми Часу та Простору в художньому тексті. Нерозривність поняття часопростір, з одного боку, та можливість окремого розгляду його компонентів, з іншого, лише підкреслюють глибину та складність феномену хронотоп.

Ключові слова: *Час, Простір, картина світу, художній текст, хронотоп.*

Obelets Yu.A. Spacetime in a World-View. The article focuses on different approaches in Time and Space study. Integrity of the notion Spacetime on the one hand and the possibility of separate consideration of every component, on the other, only enhance the depth and complicity of the phenomenon.

Key-words: *Time, Space, world-view, literary text, chronotope.*

На протяжении всей своей истории человек пытался «овеществить, параметризовать» время. Но определения категории «время», которое удовлетворяло бы представителей разных наук и простых смертных, до сегодняшнего дня не существует, хотя «изложение различных философских и мифопоэтических концепций времени могло бы занять много томов» [9, 373]. В самой общей форме определяемое как «форма последовательной смены явлений и длительность состояния материи» [36, 230], время – это по-прежнему «загадочный феномен, близко касающийся человека, интуитивно как будто бы ясный, но противоречивый и с трудом поддающийся экспликации» [29, 37]. «Таинственным», «загадочным», «непостижимым» называют его современные авторы, повторяя слова древних: «А что такое время и какова его природа неясно как из того, что нам передано от других, так и из того, что нам пришлось разобрать раньше» [2, 146]. В индуистской логике Навья-Ньяя время рассматривается как единая, бесформенная и вечная субстанция. В буддизме оно тоже не делимо на прошлое и настоящее.

Проблема времени издавна вводила в затруднение человеческий разум. История исследования проблемы времени показывает, насколько она обескураживала философов древнего, да и, пожалуй, нового мира. Авторы XX

века тоже нередко признаются в невозможности познать время: «Время явно не ничто. Но где есть время? Есть ли оно вообще и имеет ли какое-то место?» [27, 397]; «Время – это самая большая и самая трудная загадка, которая стоит перед человечеством» [26, 22]. Один из главных выводов теории относительности А. Эйнштейна – это определение природы времени как результата движения материи и установление отношений между ними: чем больше масса и скорость движущегося тела, тем медленнее вблизи него течет время. Время относительно.

Интерес разных наук к феномену времени породил множество атрибутивных сочетаний, отражающих фокус рассмотрения явления. Так, в точных науках, используется время *физическое* и его синонимы: *абсолютное, абстрактное, космическое, естественное, природное*. В биологии говорят о времени *биологическом*, противопоставляя его *физическому*. Философы и филологи выделяют время «*циклическое, разом данное, линейное*» [24, 117], *метафизическое (обобщенное) и субъективное (бытовое, житейское, утилитарное)*» [22, 82].

В последнем случае в модель времени вошел человек, который и внес в нее два сложных и противоречивых компонента: «точку, движение, а вместе с движением направление движения. Точка присутствия стала одновременно и точкой зрения. Точка движется. Вместе с нею движется время, а вместе с временем движется по линии времени событийный мир. Всё приходит в движение» [3, 53]. Движение осуществляется по принципу «однонаправленного линейного развития и может быть представлено как длительность» [5, 691]. При этом выделяется *внешнее* и *внутреннее* время процесса. Первое отвечает на вопрос *когда?* (вчера), второе – на вопрос *как?* (быстро). Их объединяет группа, отвечающая на вопрос *сколько времени*, которая показывает длительность, повторяемость [13, 122-123].

С утверждением о повторяемости времени, вряд ли можно согласиться. Среди многих признаков времени, отмечаемых разными исследователями, таких, например, как линейность, направленность из прошлого в будущее, непрерывность, необратимость, неоканчиваемость, гомогенность, не постижимость чувствами, несоциальность, не связанность с внешними событиями [19], выделяется главный, категориальный признак времени – его неповторяемость. Повторяется не время, а условные, установленные человеком «для удобства» отсчеты и ориентиры времени.

Выделение концепта Времени и его свойств входит в описание концептуальной картины мира и занимает в ней одно из ведущих мест. Здесь, однако, возникает некоторый парадокс: так, например, Дж. Лакофф настаивает на том, что «наш чувственный опыт и способы использования механизмов воображения являются основополагающими в отношении того, как мы создаем категории для осмысления опытных данных» [17, 10]. Время же не является элементом чувственного мира. Время, физически человеком не ощущаемое

и не наблюдаемое, можно, в определенном смысле, сравнить со сложным понятием «след», одним из основных в «Грамматологии» Ж. Деррида [14]: «след равно относится и к природе и к культуре, он и не наличествует и не отсутствует; он и наличествует и отсутствует» [1, 20]. По-видимому, в связи с особым статусом Времени, которое вроде бы есть и вроде бы нет, Лакофф не выделяет ему места в своей теории идеализированных когнитивных моделей (ИКМ), «организующих наше знание» [17, 99; 17, 365-370], но рассматривает его как вспомогательный элемент базового сценария, состоящего из трех онтологических элементов: начального состояния, последовательности событий и конечного состояния. Другими словами, сценарий структурирован схемой ИСТОЧНИК – ПУТЬ – ЦЕЛЬ по линии времени, <...> путь протянулся во времени, (выделено нами – Ю.О.) [Там же, 371].

Время, как форма существования и движения материи, не зависимо от человеческого восприятия, познания, переживания и в значительной степени не подвластно им. Утверждается даже «...возможность *двоякого* подхода к событийной упорядоченности: при «архаичном» подходе мир представляется стабильным, неподвижным, а время – движущимся («идушим», «текущим») мимо него в направлении от будущего (позднего) к прошлому (раннему) <...>. Однако более современное представление о времени предполагает совсем иную картину: время постоянно и неподвижно, а «лицо» движется «мимо» него в направлении от прошлого к будущему. Такой подход в большей степени укладывается в научную картину мира» [30, 375-376]. Иными словами, наш чувственный опыт не дает нам оснований однозначного понимания феномена времени как статичного или динамичного, и разные исследователи решают эту проблему по-разному. Например, Л. Талми, в 70-х годах XX века ввел в лингвистический обиход дихотомию «фон :: фигура». Последние разграничиваются по основанию статичности/динамичности и определенности/неопределенности. Время, по Талми, – всегда фон, даже когда лексема выступает грамматическим субъектом предложения и метафорически сообщает о движении: *Time flies, time drags* [33; 429].

Колебания в подходах к рассмотрению феномена Времени, порой диаметрально противоположных, по-видимому, проистекают из отсутствия темпорального эмпирического опыта. На неполноту отражения мира в сознании человека, частично обусловленную и отсутствием темпоральной компоненты, обращают особое внимание представители «репрезентационализма», идущего от философа Дж. Беркли и логика и математика А. Уайтхеда [16, 12]. Сама же дефицитность временной когниции объясняется, как уже упоминалось, отсутствием ее «представителей» в моторно-сенсорной системе человека, хотя в последние несколько лет появились исследователи, считающие, что «у человека есть нечто, ответственное за «время-восприятие», а также за «время-управление» или «времякоррекцию» <...> Этот «хронодатчик» ищут в хромосомном наборе» [8, 50-51]. Представители же виртуалистики, одного

из сравнительно молодых эпистемологических направлений современной науки, предлагают откорректировать понимание познания как отражения реальности, характерное для классической науки, ибо «очки, через которые мы смотрим на мир, – такие формы нашего мышления и созерцания, как причинность, вещественность, пространство и время – суть функции нейро-сенсорной организации, возникшей для сохранения вида <...>. У нас развились органы лишь для тех сторон реальности, какие было важно принимать в расчет для сохранения вида <...>. Разумеется, окружающий мир наделен и множеством других сторон, но для человека эти стороны не имеют значения. У нас нет для них органа» [6, 262-263]. Следовательно, на уровне хромосом или нейро-синапсов «какое-то представление о времени» [18, 14], «чувство времени» [4, 687] у человека, всё же сохранившего свой вид, есть, и «осознание себя во времени и пространстве является обязательным условием самоидентификации человека» [31, 37].

Время, при всей своей сложности и загадочности, концептуализировано языком: «Вербальное осознание времени обогащает ценностный компонент картины мира. Язык позволяет не только обратить время, остановить его, обогнать или отстраниться от него, но и строить на его основе параллельные <...> миры» [22, 94]. Действительно, концептуальная картина мира и отдельного индивидуума, и социума необходимо включает концепт ВРЕМЯ. А. Вежбицкая, не одно десятилетие работающая над списком элементарных универсальных концептов, в начале XXI века предложила «полный набор гипотетических элементарных концептов, лексикализованных во всех языках мира» [10, 20]. Он состоит из 60 с небольшим единиц и имеет отдельную группу «Время», которая включает преимущественно дейктические элементы «когда, после, до, долго, недолго, некоторое время» [Там же, 21].

Не ограничиваясь элементарными концептами, В.Г. Гак выделяет «ноэтическое поле концепта Времени в семантической структуре языка. Это поле, объединяющее темпоральные слова и грамматические формы, мы называем пространством времени <...>. Прежде всего различается внешнее и внутреннее время процесса <...>. Внешнее делится на три разряда <...> - *хронографию, хронометрию, хронологию* <...>. Первая указывает на определенное время, место события во времени, дату <...>. Вторая определяет длительность события <...>. Третья устанавливает последовательность событий» [12, 678-679]. Е.С. Яковлева предлагает разделять «лексемы, которые проецируют события, на *внутренний мир* (час, миг, мгновение, минута) и такие, которые описывают *мир внешний* (дни, времена, век, эпоха, годы) [32, 825]. Н.Д. Арутюнова отмечает, что в связи с недоступностью времени для восприятия, «его модели изменчивы. Оно описывается в метафорических терминах, легко допускающих противоречия» [4, 695]. Для их снятия предлагается «некая универсальная, стоящая над категориями сознания и чувством жизни *хронологическая модель* – модель исторического времени,

в которой временная последовательность событий получает каузальную интерпретацию, <...> и *внутриязыковая модель*, конститутивным компонентом которой является точка присутствия в ней говорящего, от которой идет отсчет времени вправо – в будущее и влево – в прошедшее» [Там же].

Концепт ВРЕМЯ более или менее развернуто представлен если не во всех, то в абсолютном большинстве языков мира, что доказали антропологи и психологи, составив список поведенческих и языковых универсалий человека. В нем обозначения отрезков времени занимают ведущие позиции. При этом этимологически сама абстрактная лексема «*Время*» в разных языках восходит к разным концептам: например, «ограниченное пространство мира» (греческий, латинский, германские языки), «круговорот» – в славянской культуре [24, 117].

Рассматривая исторические корни языкового обозначения абстрактного понятия «Время», мы сталкиваемся с его непосредственными связями с понятием «Пространство». Так, этимология «времени» в русском языке прослеживается до «индоевропейского *uert – «вертеть, вращать», т.е. «круг, поворот, оборот или его развёртывание в пространстве». Иными словами, «пространственная семантика этимологически предшествует временной» [25, 232]. То же можно сказать об английском *time*, восходящем от санскритского *dāyatē*, к древне-германскому *daïornai* – «разделять, наделять, отделять» [38, 720], т.е. также «выходящем» из пространственной семантики.

А. Ченки справедливо утверждает, что «время часто понимается в терминах пространства» [28, 347], о чем говорят и многие другие исследователи: «Известно, что темпоральная ориентация может описываться при помощи показателей пространственной, так что событийная упорядоченность представлена в языке по аналогии с пространственными отношениями (*перед домом и перед Новым годом*)» [30, 374].

О семантическом параллелизме языкового выражения пространства и времени пишут многие исследователи. Синкретизм Пространства и Времени в восприятии человека (и, соответственно, в его картине мира) отмечают представители как гуманитарных, так и естественных наук. Так, основатель учения о ноосфере, академик В.И. Вернадский еще в январе 1885 года сделал дневниковую запись: «Бесспорно, что и время, и пространство отдельно в природе не встречаются, они неразделимы. Мы не знаем ни одного явления в природе, которое не занимало бы части пространства и части времени. Только для логического удобства представляем мы отдельно пространство и отдельно время. В действительности ни пространства, ни времени мы не знаем нигде, кроме нашего воображения» [11, 112].

Неразрывность Пространства и Времени находит свое отражение в философских, лингвистических, обще-словарных дефинициях: «Пространство есть форма бытия материи <...>. Время тоже форма бытия материи <...>. Иногда их невозможно разделить, поэтому используется термин

пространство-время» [23, 120] и столь привычное нам сложное слово «пространственно-временной», релевантное для самых разнообразных областей знания: «континуум», «ансамбль книги», «художественный ракурс», «каркас».

Следует обратить внимание на то, что во всех рассуждениях и терминах, начиная с Зенона и Аристотеля, на первом месте выступает Пространство, «свойство природных вещей», что не случайно, ибо нередко утверждается, что именно «концепт пространства более фундаментален» и «пространственные представления человека первичны» [13, 126]. Собственно, восприятие и обозначение времени как своего рода пространства является характерной чертой индоевропейской языковой картины мира, в которой «время понимается как вместилище событий, т.е. пространственно» [32, 825]. Из чего следует, что «язык пространственных отношений <...> принадлежит к первичным и основным. Даже временное моделирование представляет собой вторичную надстройку над пространственным языком» [20, 293].

Первичность пространства отмечается и в словарных дефинициях, где время объясняется через пространство: «Время <...> есть пространство в бытии» [37, 260]; «Время есть <...> последовательная смена событий в пространстве» [36, 230]; и в рассуждениях о «пространстве в облиии времени, т.е. о переносе *пространство* → *время*», который рассматривается либо как метонимический [21, 239], либо как метафорический. По мнению многих исследователей, Время – это пространственная метафора, оно концептуально и доминирует в когнитивной лингвистике.

Не вдаваясь в сущность семантических процессов, лежащих в основе переносов пространственных значений на темпоральные, отметим, что их осуществлению, по-видимому, способствовала идея движения, общая для обоих: «в восприятии и выражении приметы времени раскрываются в пространстве, а пространство осмысливается и измеряется временем» [7, 235]. Неразрывность восприятия и концептуализации Времени и Пространства нашла свое естественное отражение в пространственно-временном континууме художественного мира. В 30-х годах XX века М.М. Бахтин ввел в исследовательскую практику термин *хронотон*, в англоязычной литературе впоследствии передаваемый как *spacetime* [34], *chronotope* [39]. *Хронотон* (дословно *времяпространство*) обозначает «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений <...>. неразрывность пространства и времени (время как четвертое измерение пространства)» [7, 234-235]. Вводя термин, М.М. Бахтин предупредил, что заимствует его из математического естествознания и переносит «в литературоведение почти как метафору» [Там же]. Тем не менее, *хронотон* стали использовать чрезвычайно широко, вплоть до присвоения ему самостоятельной роли в «коммуникативной структуре текста, учитывающей личность автора <...>»,

адресата (читателя) <...> и *ситуацию, т.е. хронотоп* – художественное время и пространство» [15, 15].

Во всех определениях времяпространства (хронотопа) подчеркивается двусторонность феномена: с одной стороны, он целостен в восприятии и отображении, с другой, он допускает раздельное рассмотрение своих частей. Отсюда – возможность выделения и анализа темпоральной структуры текста как относительно автономного образования, которое можно описать с большей или меньшей степенью полноты.

«Хронотоп» обозначает сложное ментальное образование, объединяющее Пространство и Время, что, повторяем, не исключает возможности раздельного рассмотрения каждой составляющей, отдавая – в исследовательских целях – предпочтение одной из них. Так, например, в своей не раз переиздававшейся «Поэтике древнерусской литературы» [18] Д.С. Лихачев разделяет художественное время и художественное пространство и посвящает им самостоятельные главы, уделяя преимущественное внимание первому: разделу о времени посвящено в 7 раз больше страниц, чем разделу о пространстве (I – с. 5-128; II – 129-146). «Художественное время – это не взгляд на проблему времени, а само время, как оно воспроизводится и изображается в художественном произведении» [18, 6].

Б. Успенский тоже отдает приоритет темпоральности, ибо рассматривает не языковое выражение времени через пространство, но организацию текстовых фрагментов во времени – его композицию, «которая предстает в виде последовательности, протяженной во времени» [26, 94]. Н.Д. Арутюнова выделяет особый признак Времени: «Именно на темпоральном фоне происходит четкое разделение единого понятия конца <...>. Все то, что происходит во времени, имеет начало и конец, но далеко не все, существующее в пространстве, совместимо с этими понятиями» [5, 9].

Возможность раздельного рассмотрения Пространства и Времени связана и с различными экзистенциальными свойствами каждого из них: мы не можем создавать время или изменять его ход, но осваиваем пространство, познаём его, изменяем. Более того, в нашей «наивной картине мира» время движется безостановочно и даже меняет скорость с возрастом, т.е. находится в постоянной динамике. Прибегая к пространственной метафоре, это отметили первые греческие диалектики, сказав, что дважды войти в одну реку невозможно.

Иное дело – Пространство. Оно изначально не предполагает движения. В отличие от «текущего» Времени оно стабильно настолько, что его смена всегда регистрируется находящимся в нем или наблюдающим со стороны индивидуумом. Рассогласование онтологической природы Времени и Пространства, расслоение хронотопа, с одной стороны, и линейность речи, с другой, обуславливает разные формы движения Времени и Пространства в художественном тексте: одновременные события происходят в разных про-

странствах и, наоборот, единое пространство вмещает несколько персонажей (точек зрения), т.е. микромиров, взаимопересечение которых (смена типов изложения, например) обязательно включает темпоральные сдвиги.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономова Н. Деррида и грамματοлогия // Ж.Деррида. О грамματοлогии. – М.: Ad Marginem, 2000. – С. 7-110.
2. Аристотель. Физика // Соч. в 4-х тт. Т.3. – М.: Мысль, 1978. – 302 с.
3. Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры// Логический анализ языка. Язык и время // Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Индрик, 1997. – С. 51-61.
4. Арутюнова Н.Д. Язык и время // Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 687-736.
5. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
6. Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Когнитивное репрезентирование как механизм виртуализации реальности // Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 262-284.
7. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки исторической поэтики // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234-407.
8. Белостоцкая С., Артемова С. Странное время планеты Земля // Высшая лига, 2005. – №2. – С. 46-53.
9. Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Языковая концептуализация мира. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 576 с.
10. Вежицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.
11. Вернадский В.И. Из рукописного наследия // Вопросы философии, 1966. – №12. – С. 101-112.
12. Гак В.Г. Языковое преобразование. М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
13. Гак В.Г. Пространство времени // Логический анализ языка. – М.: Индрик, 1997. – С. 122-130.
14. Деррида Ж. О грамματοлогии. – М.: Ad Marginem, 2000. – 511 с.
15. Кочерган М.П. Стан і перспективи сучасного мовознавства // Вісник Київського лінгвістичного університету. Серія філологія. – Т.6. – №1. – 2000. – С. 5-18.
16. Кубрякова Е.С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний. – М.: Наука, 1992. – С.4-38.
17. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
18. Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – М., 1979. – 214 с.
19. Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Индрик, 1997. – 352 с.
20. Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя // В школе поэтического слова. – М.: Просвещение, 1988. – С. 251-292.
21. Падучева Е.В. Пространство в обликии времени и наоборот: к типологии метонимических переносов // Логический анализ языка: языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 239-254.
22. Рябцева Н.К. Аксиологические аспекты времени // Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Индрик. 1997. – С. 78-95.
23. Спиркин А.Г. Основы философии. – М.: Политиздат, 1988. – 591 с.

24. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
25. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 227-284.
26. Успенский Л.Д. Tertium Organum. Ключ к загадкам мира. – СПб., 1992. – 198 с.
27. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – 402 с.
28. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике//Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / Под ред. А.А Кибрика, И.М. Кобозевой, И.А. Сокириной. – Изд. 2-е. – М.: УРСС, 2002. – С. 340-369.
29. Шмелёв А.Д. Русская языковая модель мира. Материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
30. Шмелёв А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
31. Щирова И.А, Тураева З.Я. Текст и интерпретация: взгляды, концепции, школы. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – 156 с.
32. Яковлева Е.С. Жизнь в терминах времени: *эпоха, дни, век, времена* // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. – Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки славянской культуры, – 2002. – С. 825-836.
33. Talmy L. Figure and Ground in Complex Sentences // Universals of Human Language. – Vol.4 / Ed. by J. Greenberg. – Stanford UP, 1978. – P. 625-649.
34. Werth P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. – Longman, 1999. – 390 p.
35. Большой толковый психологический словарь в 2-х тт. (Penguin) Артур Ребер. Перевод с англ. – М.: Вече, АСТ, 2000. – Т.1. – 592с.; Т. 2. – 585 с.
36. Большой энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова. Изд. 2-ое. – М.: Большая Российская энциклопедия, СПб.: Норинта, 2002. – 1456 с.
37. Даль В. М. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах. Изд. 7-е. – т. I. – М.: Русский язык, 1978. – 699 с.
38. Partridge. E. Origins: A Short Etymological Dictionary of Modern English. – N.Y.: Greenwich House, 1983. – 972 p.
39. Wales K. A Dictionary of Stylistics. 2-nd edition. – Longman, 2001. – 428 p.